

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO BUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 1º de abril de 1969

Буэнос Айрес, вторник 1 апреля 1969 года № 997

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

368. ДВА ПРОВАЛА БРЕЖНЕВА: ПОД БЕРЛИНОМ И НА РЕКЕ УССУРИ. — СОМНИТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ МОСКОВСКОГО СОВЕЩАНИЯ. — ПРОЕКТ ВОЕННОГО СОЮЗА МЕЖДУ С.С.С.Р. И ИНДИЕЙ. — ПОЛЕМИКА С ЗАПАДОМ ПО ПОВОДУ ИСТОРИИ “ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ”. — ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА ОПОРОЧИТЬ ЦАРСТВЕННЫХ МУЧЕНИКОВ И ПРЕДАННЫХ ИМ МОНАРХИСТОВ. — СМЕРТЬ ЛЖЕУЧЕНОГО К. В. ОСТРОВИТИНОВА И ХРУЩЕВСКОГО ХОЛОПА Г. В. ЕНЮТИНА. — ХОД РАСПРИ С ПЕКИНОМ.

Начало марта ознаменовано двумя провалами Брежневской политики. Первый из них имел место в Берлине, а второй на Дальнем Востоке.

На 5-ое марта в Западном Берлине были назначены выборы нового президента Западной Германии вместо кончающего в июле свое пятилетие демократии Любке. Эти выборы происходят в четвертый раз. В 1954 году был избран президентом Теодор Хейсс, в 1959 и 1964 г. г. был дважды избран президентом Любке. В первые два раза советское правительство ограничилось формальным протестом. В 1964 г. Хрущев затеял попытку избирательной авиадемонстрацией, но она не произвела впечатления на хладнокровных германских избирателей, которые прибыли в Берлин воздушным путем. Бомбардировщики летали над Западным Берлином и низко опускались над зданием, где происходили выборы так, что шум их моторов временами заглушал слова выступавших ораторов.

Теперь же Брежнев приказал произвести маневры войск Варшавского пакта вокруг Западного Берлина, которые под общим руководством маршала Якубовского должны были начаться 1-го марта и длиться неопределенный срок. Правительство Киссингера предложило Ульбрихту принять его требование о переносе выборов в другой город, если все население Зап. Берлина получит на весь 1969 год пропуска в восточную часть города. На это последовал ответ: сначала Зап. Германия должна официально заявить о переносе выборов президента в другой город, тогда западные берлинцы получат пропуска на пасхальные дни и Ульбрихт согласится обсудить вопрос о пропусках на другие сроки. Такой ответ не был признан удовлетворительным и выборы не были перенесены. 27-го февраля Никсон посетил Зап. Берлин и заявил о полной поддержке со стороны США решения о выборах в Берлине.

После многих угроз советской печати, кричавшей, что советская авиация будет во время маневров перелетать через три “воздушных коридора”, по которым будут пролетать “избиратели” и обслуживающий выборы технический персонал, что грозит жизни пользующихся этими “коридорами”, 1-го марта на рассвете начались советско-германские маневры.

Перед этим Якубовский летал в Бухарест и там требовал, чтоб румыны прислали хоть одну символическую роту пехоты, показав этим свое участие в маневрах, но получил твердый, хоть и вежливый, отказ. Чауческу ответил советскому полководцу, что Румыния осудила маневры союзников НАТО по близости от чешской западной и северо-западной границы, а потому было бы противно этому принципу принимать участие в маневрах вокруг Берлина тем более во время президентских выборов. Поляки шумели, что тоже примут участие в маневрах. Предполагалось заставить не только венгров и болгар, но и чехов прислать свои части, но после вы-

ступления Никсона в Берлине испугались и решили ограничиться советско-германскими маневрами, на которые прибыла одна из советских танковых дивизий, стоящих в Чехословакии.

Германские и советские танки с шумом проносились вокруг Берлина, но авиация не посмела ни совершать полеты над Берлином, ни пересекать воздушные коридоры, по которым в тот же день начали прибывать на гражданских американских, британских и французских самолетах десятки депутатов. Всего должно было прибыть 508 депутатов германского парламента и 508 делегатов от парламентов входящих в состав федерации “Лендер” (областей).

Ни разу ни в первый день маневров, ни в последующие дни как до выборов, так и после них при разъезде избирателей, не произошло ни одного инцидента.

Однако, еще за два дня до выборов ТАСС выпустило сообщение, которое ввиду его важности привожу полностью:

“2-го марта в 4 часа 10 минут по московскому времени китайские власти организовали в районе пограничного пункта “Нижне-Михайловка” (остров Даманский) на реке Уссури вооруженную провокацию. Вооруженный китайский отряд перешел советскую государственную границу и направился к острову Даманский. По советским пограничникам, охранявшим этот район, с китайской стороны был внезапно открыт огонь. Имеются убитые и раненые. Решительными действиями советских пограничников нарушители границы были отогнаны с советской территории. 2-го марта с. г. Советское правительство направило правительству Кит. Нар. Республики ноту, в которой выразило решительный протест по поводу провокационных действий китайских властей на советско-китайской границе. В ноте в частности указывается, что провокационные действия китайских властей на советско-китайской границе будут встречать с нашей стороны отпор и решительно пресекаться”.

Надо пояснить, что этот остров занят советским гарнизоном, ибо лежит ближе к советскому берегу, так как по международному праву граница проходит по середине этой замерзающей зимой реки.

Пекин дал свое объяснение: советские части открыли огонь, а затем перешли по замерзшему руслу реки границу и стали стрелять по китайским пограничным частям. В нападении участвовали танки, которые воспользовались прочным льдом, чтоб по нему подойти

к китайскому берегу. Китайская артиллерия заставила пехоту и танки отступить, причем советчики оставили на льду 30 трупов своих офицеров и солдат.

С этого дня в Пекине и по всему Китаю начались демонстрации: против советского посольства носились плакаты с надписями: “Косыгина на виселицу!”, Брежневу — расстрел!”, “Долой новых русских царей! (?)”.

5-го марта в советской печати опубликован текст ноты протеста СССР, которую китайский поверенный в делах (послы давно отозваны) отказался принять. В ноте говорится, что около 200 китайских солдат направились по льду к острову Даманский и внезапно открыли огонь из пулеметов и автоматов по охране острова, причем были поддержаны огнем “из засады” на китайском берегу. Нота требует наказания виновных в организации этой провокации и обещает “пресекать решительно подобные провокационные действия”.

В тот же день советскому поверенному в делах в Пекине безуспешно пытались вручить резкую ноту протеста против нарушения “священной китайской земли”, обещая ответить на всякие нарушения границы мощными ударами. Советский поверенный в делах также отказался принять ноту в виду резкости ее тона.

Через три дня орган советских профсоюзов “Труд” напечатал рассказ своего корреспондента, согласно которому 200 китайских солдат с винтовками и пулеметами направились к острову. Навстречу им был выслан патруль с переводчиками, чтоб напомнить, что они уже перешли по льду границу. Советские пограничники несли винтовки за плечами. Когда они приблизились, то китайцы без предупреждения открыли огонь. Тогда с острова дана была тревога и с советского берега выступила пехота, поддержанная легкими танками, которая отогнала китайцев, но попала под огонь с китайского берега, после чего вернулась на свой. С советской стороны было много убитых, среди них начальник пограничного пункта на острове Даманский. О количестве раненых не говорится.

Итак, можем констатировать, что это не простая перестрелка пограничников, а настоящее сражение, с десятками убитых.

Надо полагать, что в момент берлинских маневров советскому правительству не было основания создавать конфликты на восточных границах, а потому я склонен считать, что нападение было сознательно произведено с китайской стороны и приурочено к началу советских маневров под Берлином. Я слушал на короткой волне пекинское радио на русском языке: оно перечисляет доказательства “возвращения новых московских “царей” к политике империализма дореволюционных Русских Царей”. При этом Брежнев и Косыгин обвиняются в том, что не только признают законными захваты китайской территории Царями по договорам: Айгунскому — 1858 г. и Пекинскому — 1860 г. (это Приморье, теперь населенное главным образом русским населением с городами Владивостоком, Хабаровском, Никольско-Уссурийском и но-

Мужицкие чаяния все сходятся на монархии.

Советская интеллигенция, взятая в целом, поддерживает монархию или под давлением народных масс, или в результате своих разочарований.

Иван СОЛОНЕВИЧ

вым советским городом Комсомольском на Амуре), но и претендует на новые захваты китайской земли, на которые “не простирались аппетиты Русских Царей”. Вспоминается захват Танну-Тувы (б. Урянхайский край) и превращение Монголии в советского сателлита. Затем идут попреки в военной оккупации Польши, Вост. Германии, Венгрии, Болгарии и наконец с прошлого года Чехословакии с предупреждением, что Пекин — не Прага и что все советские войска, которые перейдут “священную границу Китая”, на ней сложат кости.

Считаю, что инцидент вызван тремя заранее обдуманными намерениями:

1. Разогреть китайский коммунистический патриотизм накануне предстоящего партийного съезда. За неделю до выступления на Уссури “наследник” старого Мао-Тзе маршал Лин Пнао выехал в Маньчжурию под предлогом инспекции войск и приказал пограничным частям перейти Уссури, понимая, что это вызовет сражение со стоящими наготове советскими пограничными частями.

2. Затруднить Брежневу созыв в Москве назначенного на май с. г. совещания всех компартий мира: главнейшие из них, как итальянская и французская, настаивают на том, что перед этим совещанием Брежнев должен как-то договориться с Пекином. После этого сражения на льду Уссури всякое такое, хотя бы временное, соглашение представляется совершенно невозможным, если даже Брежнев возьмет более примирительный тон, который Пекин объявит “коварством” кремлевских империалистов и ренегатов, позабывших сталинскую дружбу с китайскими вождями компартии.

3. И как уже сказано выше, — сознательно приурочить этот конфликт к ожидаемому пекинцами неполадкам между СССР и Западом во время германских выборов. Рассчет этот оказался ошибочным.

Внимательно следя не только за советской, но и за западной коммунистической печатью, вижу, как после сражения на реке Уссури снова заговорили о необходимости отложить московское совещание коммунистических и рабочих партий, которое в прошлом году четыре раза откладывалось, несмотря на все настояния выступавших за скорейший созыв совещания Брежнева и его приспешников: Сулова, Пономарева и Катушева и верных холопов: Ульбрихта и болгарина Живкова. Каждый раз французы и англичане с другими лидерами компартий Азии и Латинской Америки требуют от ЦК КПСС еще раз попробовать сговориться с Мао-Тзе. При этом указывают, что его положение гораздо прочнее на самом деле, чем это представляют его враги и разные осведомители Москвы. Подобно Сталину, учеником которого Мао-Тзе является, он умеет в нужный момент забыть всякие принципы интернационализма и призвать народ к защите родины от совет-

† Объединение бывших учащихся Русско-Сербской Гимназии в Белграде с прискорбием сообщает о преждевременной кончине своего дорогого однокашника

АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЯСЮНИНСКОГО,

последовавшей 26-го марта 1969 года.

ского «империализма» и «колониализма».

Поэтому возможно, что это приведет к новой отсрочке московской конференции коммунистических партий и к новым совершенно не отвечающим принципам марксизма-ленинизма поискам со стороны Пекина и Москвы союзников друг против друга. Со стороны Пекина допускают весьма замаскированное сотрудничество с Западной Германией: в ответ на оказанную нападением на советских пограничников на реке Уссури услугу правительство Западной Германии может оказать Пекину помощь поощрением экономических связей и снабжением бойкотируемого Западом Китая теми изделиями разных видов германской промышленности, в которых Китай нуждается. Это откроет для германской промышленности новый, выгодный и весьма емкий рынок.

Опасность возможного конфликта с Китаем в свою очередь заставляет СССР искать себе союзников среди соседей Китая. В этом отношении были сделаны конфиденциальные попытки сговориться с Японией, но последняя потребовала возвращения до сих пор оккупированной южной гряды Курильских островов, подходящих к северным берегам Японии, на что СССР не хочет идти по соображениям престижа.

Пекин обвиняет Москву в сговоре с национальным правительством Чан Кай-ши путем посылки на Тайвань международного авантюриста Луи, который по поручению советского правительства выехал в Токио, а оттуда раздобыл визу для поездки на Тайвань в качестве якобы британского журналиста. Там он якобы вел переговоры о том, что в случае конфликта между СССР и «фашистско-троцкистским» правительством Мао-Тзе СССР ничего не имел бы против одновременного военного выступления китайских националистов с высадкой армии на материк для свержения «фашиста» Мао-Тзе-тунга. Такое соглашение Брежнева с Чан Кай-ши кажется на первый взгляд невероятным, но не более, чем был в свое время договор Молотова с фон Риббентропом о разделе Польши и о захвате СССР трех прибалтийских республик после вступления германских войск в Польшу в 1939-40 г. г.

Третьим возможным союзником Москвы против Пекина могла бы быть угрежаемая Пекином Индия, уже испытывавшая нападение китайцев на свои северные окраины. Это дает объяснение длящемся свыше недели пребыванию маршала А. А. Гречко в Индии и его переговорам с ген. штабом Индии о возможном снабжении Индии советским оружием разных видов для совместной, если придется, войны против угрожающей обмен странам китайской агрессии.

Итак, намечаются весьма странные комбинации: возможная помощь Западной Германии Пекину разными видами оружия в случае войны против СССР и своеобразное военное сотрудничество советского правительства с Чан Кай-ши и правительством пацифистки Индиры Ганди против обвиняемого ими в империализме и подготовке нападений на своих сухопутных соседей коммунистического Китая. Все это еще в стадии подготовки и такие военные союзы кажутся противоречивыми, но они не удивят тех, кто помнит тесное военное сотрудничество, сопровождаемое объяснениями в любви между Сталиным, Рузвельтом и в прошлом ярым врагом коммунизма Черчиллем.

В январском номере журнала «Вопросы истории» находим интересную статью трех авторов: одного из соредкторов журнала Л. С. Гапоненко и двух ленинградских историков брежневской школы А. Н. Сахарова и Г. Л. Соболева «Великий Октябрь и его современные буржуазные критики», в которой авторы полемизируют против появившихся в США, Великобритани, Западной Германии и Франции статей с историческим анализом причин успеха октябрьской революции и столь для Запада неожиданной устойчивости советского режима. Наряду с полемикой против иностранных авторов находим выступления против новых воспоминаний русских эмигрантов: Зинаиды Шаховской, «младшей сестры ярого врага Советской власти князя Д. Шаховского», ставшей ныне редактором «Русской Мысли» в Париже, Е. Извольской, дочери бывш. министра иностранных дел, а затем посла в Париже А. П. Извольского, историка-эмигранта С. Пушкарева. Часть ино-

странных авторов объясняет падение Временного правительства слабостью русской буржуазии, отсталостью страны в ее промышленном развитии, стремлением крестьян в солдатских шинелях скорее покончить с затянувшейся войной и получить помещичьи земли, которые им не передало правительство Керенского. Советские авторы правильно указывают, что Временное правительство оттолкнуло от себя патристически настроенное правое офицерство и не оценило организованной подготовки октябрьского переворота, который вовсе не ограничился Петроградом. Большевики возглавили одновременно выступившие против Временного правительства военные гарнизоны не только Петрограда и Москвы, но и Кронштадта, Гельсингфорса, Екатеринбург, Иваново-Вознесенска, Казани, Саратова, Ростова на Дону, Луганска, Минска, Самары, Ревеля. Лишь в Москве сопротивление сторонников Временного правительства затянулось на десять дней, причем на помощь московским большевикам поспешили балтийские моряки, части Петроградского гарнизона, военные отряды из Иваново-Вознесенска и Шуи. Советские авторы указывают, что западные историки пишут лишь о борьбе двух сил: республиканской буржуазии и большевиков, недооценивая того, что с падением монархии, с разложением императорской армии и административного аппарата в стране не было сил, которые могли противостоять натиску организованных большевиками сил революции. Эта статья совпадает в анализе с пророческим меморандумом П. Н. Дурново, поданным Императору Николаю II в начале 1914 года, на который ссылается Е. И. В. Великий Князь Владимир Кириллович в своем историческом анализе причин успеха революции в Обращении от 2/15 марта 1967 года; Обращение Главы Династии было распространено в России и не исключено, что авторы этой статьи могли его прочитать.

Ярый сталинец главный редактор «Октября» В. А. Кочетов понимает, что режиму больше угрожает восстановление монархии, чем всякие попытки «февралистов», полемизирующих против советского режима с республиканско-социалистических позиций. Он убедился в том, что читатели не забыли трагический конец Царской Семьи и их интересует всякий роман, который будет об этом говорить и поведаст что-то новое. Поэтому во втором (февральском) номере его пакового журнала находим повесть двух неведомых авторов Анатолия Безуглова и Юрия Кларова «В полосе отчуждения», в которой чекисты повествуют, как они боролись с попытками монархистов освободить Царственных Узников. В клеветническом, местами карикатурном, виде перед читателями проходят не только зять Распутина Борис Соловьев, который якобы был расстрелян во Владивостоке, когда следователь Н. А. Соколов установил его двойную игру, чтоб помешать освобождению Царской Семьи, но и министры А. В. Кривошеин, граф В. Н. Ковцев и др. Вся повесть абсолютно лживая и показывает только знакомство авторов с трудами об Екатеринбургском злодеянии Н. А. Соколова и ген. Дитерихса, которые они цитируют, весьма извращают или просто выдумывают различные факты. Я счел нужным упомянуть об этой лживой повести, чтоб показать, что большевикам надо новыми брызгами лживой грязи опорочить Царственных Мучеников и всех пытавшихся им помочь или Их спасти, ибо после появления в советской печати сведений об отпевании Царской Семьи четырьмя архиепископами и епископами в присутствии Главы Императорского Дома Государя Великого Князя Владимира Кирилловича с Августейшей Семейей среди советских читателей вырос интерес к обстоятельствам насколько не забытого в России злодеяния.

9-го февраля на 77-ом году жизни умер коммунистический лжеученый академик Константин Васильевич Островитинов. Его козырем было то, что он в 1914 году, будучи 22-летним студентом, вступил в большевистскую партию и в годы войны вел подпольную работу в Москве. В 1916 году он стал членом подпольного Московского горкома партии и осенью был арестован. Через полгода его освободила февральская смута и в дни октябрьских боев он был секретарем Замоскворецкого райкома партии, затем он перешел на научно-административную работу и «комиссарил»

при московской старой монархической профессуре и особенно среди молодых научных работников, многие из которых были обязаны Островитинову своим арестом. С 1923 года преподавал политэкономии в институте народного хозяйства, где стал в 1925 году зам. ректора, а в 1929 году секретарь коммунистической академии, с 1936 года академик и «комиссарит» в Академии Наук, с 1953 года директор института Экономки при ЦК КПСС и с 1952 года по 1961 год кандидат ЦК. Официальный некролог перечисляет его заслуги в разработке проблем денежного обращения и «перерождения социалистической экономики в коммунистическую». Он занимал кафедру политической экономии в институте Красной профессуры, академии Общественных наук при ЦК и Высшей партшколе, был председателем общества Советско-Чехословацкой дружбы. В виду того, что он оставался одним из немногих еще дореволюционных партийцев, некролог подписали Брежнев, Косыгин, Подгорный, Суслов, Гришин и секретари ЦК Демичев и Пономарев, зам. председателя совета министров Кириллин и 18 коммунистических академиков во главе с президентом Академии М. В. Келдышем.

Более интересной фигурой был умерший 66-ти лет хрущевец Георгий Васильевич Енютин. Родившись в 1903 году в Марнуполе, он в юности был слесарем механических мастерских, перешел в 1924 году из комсомола в партию и был командирован учиться. Кончил рабфак, потом металлургический институт в Днепропетровске в 1932 году. Семь лет работал инженером. С 1939 года был лишь на партработе: партгором завода «Азовсталь» и секретарем Донецкого обкома. С началом войны переброшен при эвакуации в Сибирь, где всю войну был секретарем обкома в Новосибирске. В 1947 году вернулся на родную Украину первым секретарем Запорожского обкома. Через два года командирован в Высшую школу при ЦК, после чего работает с 1952 года в самом ЦК. В 1954 году становится первым секретарем Каменского обкома, покидая ЦК. Покровительствовал ему Хрущев через три года вызвал Енютина в Москву и назначил его председателем комиссии Советского контроля, которая вскоре была преобразована в комиссию Государственного контроля, сделав его таким образом фактически «комиссаром» партии над всеми государственными учреждениями. В 1962 году в период утверждения личной диктатуры Хрущева он становится председателем комиссии партийно-государственного контроля по РСФСР и одновременно заместителем председателя совета министров РСФСР, то есть фактически «оком» Хрущева по всей обширнейшей Российской Федерации. С падением Хрущева он увольняется на пенсию и теряет пост члена ЦК, в который входил с 20-го съезда, провозгласившего борьбу против культа Сталина, которая теперь фактически сошла на нет. Поэтому вполне естественно, что Енютин не получил посмертных почестей, которые оказаны были Островитинову и некролог его подписан какой-то анонимной «группой товарищей».

Я уже заканчивал настоящую статью, когда смог видеть по телевизору пресс-конференцию зав. отделом печати министерства иностранных дел Н. Н. Замятин, рядом с которым сидел худощавый генерал-лейтенант Леонов, зам. командующего войсками пограничной охраны ген.-полковника П. И. Зырянова. Замятин подробно изложил обстоятельства сражения на Уссури. Отряд в 30 китайских пограничников сошел с берега и направился к острову. Офицер пограничной охраны с 8-ю пограничниками вышел им навстречу, чтоб сообщить, что они перешли границу и не должны идти дальше. Хотя у советчиков винтовки были за плечами, китайцы открыли огонь и убили всех. Тогда выступил против них большой отряд охраны, против которого открыли огонь не только этот авангард, но и подоспевшие 200 пограничников. Советчики, отбивая китайцев, сами попали под огонь артиллерии с китайского берега. Подоспели советские танки, которые прогнали всех китайцев и длившееся 2 часа сражение закончилось. Во время сражения с советской стороны фотографировали ход столкновения и на снимках, которые были розданы журналистам, видно, как китайцы пристреливают в упор выстрелом в голову или приканчивают штыками лежащих на льду раненых советских по-

Н. Куцаков

ОБ ОДНОМ ТЕРМИНЕ

Наше время замечательно тем, что многие вещи потеряли свое действительное значение и что множество слов стали применяться в совершенно ложном смысле. К числу таких слов относится одно, имеющее к нам прямое отношение. Это слово есть «контрреволюция».

Зазвучало оно, если помните, прежде всего в июльские дни 1917 года, в дни Корниловского похода на Петроград. Тогда Керенский восклицал, что, де, мол, «Революция в опасности!» и следом стало звучать и слово, о котором у нас речь. Нужно ли повторять, какое звучание оно приобрело с момента учреждения большевиками «Чрезвычайной Комиссии по Борьбе с Контрреволюцией и Бандитизмом» — Че-Ка. Звучит это слово не только в пределах страны победившей революции, ибо надо считаться с фактом, что революция победила в нескольких странах мира. Так как победителей не судят, в устах небольшого числа людей слово «революция» звучит, словно бы в ней было что-то положительное. Слово «контрреволюция» произносится в то же время презрительно, с брезгливостью, а иной раз даже и с негодованием.

Такое негодование находит себе основание и в смысловой картине, представляемой этим словом, ибо оно являет собой отрицание. Приняв же мысль, что контрреволюция есть и на самом деле отрицание, мудрецы века сего испытывают еще большую уверенность в себе и еще большее презрение ко всему, что связано с контрреволюцией.

На этой путанице понятий нам пришлось останавливаться вниманием не один раз, пока, наконец, нам не удалось распутать узел, о чем и хочется поде-

граничников. Всего с советской стороны было 31 убитых и 14 раненых. Убитые сняты раздетыми для установления характера ранений пулевых и штыковых и затем похоронены 7-го марта на советском берегу Уссури. Генерал Леонов и Замятин отвечали на вопросы журналистов. Последний сообщил, что китайскому правительству послана вторая нота с требованием наказания виновных. Замятин сказал, что причиной конфликта, заранее подготовленного Пекином было создание атмосферы ненависти против СССР накануне 9-го партсъезда. Он сказал, что СССР не потерпит повторения подобных нападений.

В тот же день начались двухдневные демонстрации перед китайским посольством и организованные ЦК выражения «народного гнева» с бескусно носимым перед посольством чуелом Мао-Тзе-тунга, болтающимся на виселице. Газеты наперебой помещают статьи и корреспонденции с карикатурными описаниями; китайские пограничники идут в бой с переходом границы пнями, во время штыкового боя наклоняются над трупами врагов, чтоб вытащить у них из карманов кошельки с деньгами и снять с рук часы. Советский лейтенант танковых войск Бубенин якобы зашел по льду в тыл наступающим китайцам и своими танками заставил их отступить, но если он действительно зашел им в тыл, то отрезал бы их от китайского берега и заставил бы сдаться. Между тем уцелевшие после боя китайцы вернулись назад на свой берег. Из сообщений узнаем, что Бубенин был ранен, а неназванный командир заставы на острове Даманском был убит.

Китайцы наоборот уверяют, что советчики первыми напали на патруль, совершавший обход границы. Любопытно, что Пекин обвиняет СССР в сговоре с Японией, Чан Кай-ши и Индией, не говоря уже об американских «империалистах», а советская печать кричит о сговоре Мао-Тзе с германскими реваншистами. При этой словесной войне прощали незамеченными и выборы социал-пацифиста Хейнемана на пост германского президента голосами социалистов и либералов и бесславное окончание советско-германских маневров, с которых маршал Якубовский спешно вернулся в Москву, откуда нач. ген. штаба маршал М. В. Захаров спешно вылетел в Хабаровск, чтоб на месте организовать оборонные против Китая силы.

Алексей Ростов

лится с единомышленниками и современниками.

Контрреволюция не есть отрицание, но есть утверждение.

Основывается эта мысль на том, что смысловая картина революции сама представляет собою отрицание. Революция есть переворот, переворот какого-то исконно существовавшего положения, совершаемый кем бы то ни было из-за несогласия с существовавшим до тех пор порядком, из-за его отрицания.

Какой же порядок отрицает революция? Очевидно тот, который существовал до нее, то есть монархию. По сути дела всякая контрреволюция и есть акт утверждения монархии. Она тогда именно оказывается целеустремленной, когда ведет к монархии, ибо во всех остальных случаях контрреволюция расшатывается в пространстве, оказывается отрицанием, или же в лучшем случае — отрицанием отрицания, которое некоторыми почитается за утверждение.

Остановимся на последней мысли. Отрицание отрицания делается утверждением только тогда, когда оно отрицает именно то отрицание, которым было упразднено что-то нам известное. В противном случае оно ничего не утверждает. Так отрицание темноты еще не есть свет, как и отрицание холода не есть теплота. Ибо темнота есть отсутствие, небытие света, как холод — небытие тепла. Но ни отсутствие, ни небытие по своей сути не могут иметь себе противоположности. Чего нет, — того нет.

Если, поэтому, мы поставим два знака минус перед словом "революция" мы

не можем получить никакой полноты. Мы останемся при прежней пустоте, при прежнем отрицании той наличной данной величины, которую именно революция отрицает.

Этот мыслительный этюд не помещен здесь ради забавы. Он приводится здесь с той целью, чтобы обострить внимание нашей русской семьи и выяснить для самих себя, по крайней мере, что монархический строй является тем естественным, природным строем, в котором государства жили веками и тысячелетиями.

У нас многие справедливо относятся к революции с негодованием и желают отрицать ее. Но люди пугаются слова "контрреволюция", пугаются мысли о том, что они выступают с отрицанием, после чего начинается измышление новых форм общественной и государственной жизни. Все что угодно, только бы не вернуться к прошлому, только бы не явить себя перед лицом общественной мысли в виде монархиста.

И вот нам показалось, что предложив нашу небольшую смысловую задачу, мы облегчим многим добросовестным умам тот шаг, который кажется страшным. В самом деле: задавали ли вы себе вопрос: "Контр что есть революция?"

И если задавали, то удалось ли вам получить иной ответ, как не тот, который уже предложили мы?.. Подлинно. Монархический строй есть тот основной государственный строй, в обстановке которого государство существует нормально, естественно и утвердительно в отношении изначального бытия общества и государства. За него и надо бороться. Скажет иной мудрец, что, де, мол, монархический строй устарел. Слышали мы это. Но нам приходилось слышать и такие вещи, что, де, мол, и честь устарела, а совести и вообще нет. Не всякому же прохожему верить!

Говорят, и довольно справедливо, что переубедить никого никогда ни в чем невозможно никак. Пусть так. А все-таки, очень было бы желательно, чтобы слово "контрреволюция" перестало восприниматься, как отрицание, чтобы на его месте ясно и отчетливо утвердилось слово:

"МОНАРХИЯ".

Н. Кусаксв

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

В. ЛЕЖНЕВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Виолончелист Всеволод Лежнев, прибывший в Соединенные Штаты из Москвы в составе советского государственного симфонического оркестра и участвовавший в первых гастрольях этого оркестра в Америке, не вернулся в СССР.

Лежнев исчез из гостиницы в Нью Йорке со своим чемоданом и виолончелью за несколько часов до отъезда оркестра в Балтимор и в Вашингтон, где состоялись последние концерты по программе, организованной импрессарио Соломоном Юроком.

Исчезновение Лежнева было сообщено американской полиции в 2 часа ночи первым секретарем советской миссии в Объединенных Нациях Е. Н. Алехиным, когда прибывшие в Нью Йорк с оркестром чекисты обнаружили исчезновение Лежнева при посадке составляющих оркестр 120 музыкантов в автобусы, которые должны были их везти из Нью Йорка в Балтомиру.

Алехин обратился к полиции с просьбой найти Лежнева и прибавил, что, если Лежнев решил остаться в Соединенных Штатах, он хочет убедиться в его добровольном решении.

Одновременно, как сообщил журналистам сопровождавший оркестр во время его гастрольей представитель фирмы Юрока Джон Вильсон, неизвестное лицо по телефону сообщило ему, что с Лежневым ничего плохого не случилось, но что он не будет участвовать в последних концертах оркестра.

По сведениям американской полиции Лежнев, которому 37 лет, решил стать невозвращенцем после того, как в Москве недавно скончалась его жена.

РЕПРЕССИИ В СССР

Нам пишут из Мюнхена:

В Харьковской области советский суд приговорил к расстрелу бывшего заведующего нефтебазой машинно-тракторной станции в селе Петровском В. Н.

• ВОЗВРАТ К СТАЛИНЩИНЕ

В газете "Советская Россия" от 24-1.1969 помещена передовая "Призвание и ответственность журналиста", которую правильнее было бы озаглавить "Призвать к ответственности журналистов". Статья, обращенная, впрочем, не только к журналистам, но и к писателям и вообще к творческим работникам, представляет собою последнюю "установку" в области культурной политики партии. Суть статьи лучше всего выражена в ее концовке:

"Любой печатный материал, передача по радио и телевидению в современных условиях не могут не обладать идеологическим зарядом". Автор "лично ответствен за каждую строчку своей статьи, за ее политическую направленность, за любую ошибку..."

Таким образом не очень далекие еще времена, когда наряду с политическими допускались и "аполитичные" "печатные материалы", а за составителями их признавалось "право на ошибку", повидимому, прошли. Инструктивная передовая "Советской России" говорит о стопроцентном восстановлении сталинских принципов, по крайней мере, в советской журналистике.

Климова, обвиненного в том, что в годы германской оккупации он был начальником вспомогательной полиции и участвовал в борьбе с коммунизмом и советскими партизанами, а после войны (до июля 1968 года) скрывался на Алтае. Во Львове советский суд приговорил к 5 годам принудительных работ тайного униатского священника Антония Поточняка, обвиненного в принадлежности к "запрещенной секте".

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Московская патриархия перевела епископа Алексия (фон дер Менсбрюгге) из Бельгии в Соединенные Штаты с назначением его на кафедру в Филадельфии.

Новый епископ патриархии в Америке — бельгийский подданный фламандского происхождения.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Doctora
А. В. НИКИТИНА ЧУЧУВАДЗЕ
 Endodontia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.
 Прием по предварительной записи.
 Понед., вторник, четверг и пятница
 от 15 до 20 час.
 Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
 Один квартал от подземной жел. дор.
 Rio de Janeiro по улице Corrientes.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 41

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Зоя ощущала смятение... Она опять взяла в руки вышиванье. С одной стороны, он говорил опасные вещи, которые не только не следовало никому повторять, но даже слушать, но даже держать открытыми ушные раковины. А с другой стороны, было огромное облегчение, что они никого не заманивали в темные переулки, не убивали.

Она глотнула.

— Я не понимаю... вы все-таки — д е л а л и... — то что?

— Как что? — он затягивался и выпускал дым. Какой он был большой, такая маленькая была папироска. — Я ж вам говорил: учились. Пили вино, если позволяла стипендия. Ходили по вечеринкам. И вот девчонок замели вместе с нами. И дали по пять лет... — Он посмотрел на нее пристально. — Вы — на себе это вообразите. Вот вас берут перед экзаменами второго семестра — и в мешок.

Зоя отложила вышиванье.

Все страшное, что она предчувствовала услышать от него — оказалось, с одной стороны, даже и не страшным, а каким-то детским.

— Ну, а вам, мальчишкам, — зачем это все нужно было?

— Что? — не понял Олег.

— Ну вот это... быть недовольными... Чего-то вам ожидать.

— Ах, в самом деле! Да, да в самом деле! — покорно рассмеялся Олег. — Мне это в голову не приходило. Вы опять сошлись с моим следователем, Зоенька.

Он говорил то же самое. Креслице вот хорошее! На койке так не посидишь.

Олег опять устроился со всем удобством и покуривая смотрел, прищуриваясь, в большое окно с цельным стеклом.

Хотя шло к вечеру, но пасмурный ровный денек не темнел, а светлел. Все растягивалось или редел облачный слой на западе, куда выходила как раз эта комната углом.

Вот только теперь Зоя по-серьезному взялась вышивать — и так с удовольствием делала стежки. И они молчали. Олег не хвалил ее за вышиванье, как прошлый раз.

— И что ж... ваша девушка? Тоже была там? — спросила Зоя, не поднимая головы от работы.

— Да... — сказал Олег, не сразу ироядя эти "д", не то думая о другом.

— А где ж она теперь?

— Теперь? На Енисее.

Зоя быстро взглянула.

— Так вы просто не можете с ней соединиться?

— И не пытаюсь, — безучастно говорил он.

Зоя смотрела на него, а он в окно. Но почему же он тогда не женится здесь, у себя?

— А что, это очень трудно — соединиться? — придумала она спросить.

— Для нерегистрированных — почти невозможно, — рассеянно сказал он. — Но дело в том, что — незачем.

— А что у вас карточки ее нет с собой?

— Карточки? — удивился он. — Заключенным карточек иметь не положено.

Рвут.

— Ну, а какая она была из себя?

Олег улыбнулся, прижмурился.

— Спускались волосы до плеч, а на концах — р-раз, и заворачивались кверху. В глазах, вот как в ваших глазах всегда насмешечка, а у нее — немножко грусть. Неужели уж человек так предчувствует свою судьбу, а?

— Вы в лагере вместе были?

— Не-ет.

— Так когда же вы с ней расстались?

— За пять минут до моего ареста... Ну, то есть, май ведь был, мы долго сидели в садике. Уже во втором часу ночи я с ней простился и пошел — и через квартал меня взяли. Прямо машина на углу стояла.

— А ее?

— Через ночь.

— И больше никогда не виделись?

— Еще один раз виделись. На очной ставке. Я уже острижен был. Ждали, что мы будем давать друг на друга показания. Мы — не дали.

Он вертел окуроч, не зная, куда его деть.

— Да вон туда, — показала она на сверкающую чистую пепельницу председательского места.

А облачка на западе все растягивало, и уже нежно-желтое солнышко почти распленилось. И даже закоренело-упрямое лицо Олега смягчилось в нем.

— Но почему же вы теперь-то...?! — сочувствовал Зоя.

— Зоя! — сказал Олег твердо, но остановился подумать. — Вы сколько-нибудь представляете, — что ждет в лагере девушку, если она хороша собой? Если ее где-нибудь по дороге в общем вагоне не изнасилуют блатные — впрочем, они всегда успеют это сделать и в лагере, — в первый же вечер лагерные дармоеды, какие-нибудь чебели-нарядчики, пайкодатели подстроит так, что ее поведут голую в баню мимо них. И тут же она будет назначена — кому. И уже со следующего утра ей будет предложено — жить с таким-то и иметь работу в чистом теплом месте. Но, а если откажется — ее уж постараются так загнать... Я ее за это не виню, я понимаю. Но и... все. И она понимает.

Молчали. Солнце проступило в полную ясность, и весь мир сразу повеселел и осветился. Черными и ясными проступили деревья сквера, а здесь, в комнате вспыхнула голубая скатерть и зазолотились волосы Зои.

— ...Одна из наших девушек кончила собой... Еще одна жива... Трех ребят уже нет... Про двоих не знаю...

Он свесился с кресла на-бок, покачался и прочел:

"Тот ураган прошел... Нас мало уцелело..."

На переключке дружбы многих нет..."

И сидел так, вывернутый, глядя в пол. В какую только сторону не торчали и не закручивались волосы у него на темени! Их надо было два раза в день мочить и приглаживать, мочить и приглаживать.

Он молчал, но все, что Зоя хотела слышать, — она уже слышала. Во всем главном он уже объяснил: он был прикован к своей ссылке — но не за убийство; он не был женат — но не из-за пороков; через столько лет он нежно говорил о своей бывшей невесте — и, видимо, был способен к настоящему чувству.

Он молчал, и она молчала, поглядывая то на вышиванье, то на него. Ничего в нем не было хоть сколько-нибудь красивого, но и безобразного сейчас она не находила.

Как говорит бабушка: — "Тебе не красивого надо, тебе хорошего надо". Устойчивость и силу после всего перенесенного — вот это Зоя ясно ощущала в нем, силу проверенную, которую она не встречала в своих мальчишках.

(Продолжение следует)

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Г. Алдан, ген. штаба полковник, "Армия обреченных", воспоминания заместителя начальника штаба РОА, под редакцией М. В. Шатова. Труды Архива Русской Освободительной Армии, том III, Нью Йорк, 1969 г.

Андрей Георгиевич Нерянин, ставший в эмиграции Алданом, родился на Среднем Урале в 1902 году в семье рабочего-каменщика. Это указано в 17-й главе его воспоминаний, озаглавленной: "Кто я?"

Тринадцатилетним мальчишкой он бежал с Урала на фронт, чтобы стать добровольцем, но был задержан и возвращен домой. Потеряв родителей, он вступил в 1919 году в Красную армию и — по его словам — был вначале "простым красноармейцем без особых убеждений и... без сознательного понимания жизни".

"В эти годы (1919-1922) — сказано в его автобиографии — я впервые столкнулся с антикоммунистическими воззрениями. Три человека, близких мне, покончили жизнь самоубийством из-за расхождения теории и практики советской власти".

"Эти самоубийства остались в памяти на всю жизнь", но "под воздействием систематического политического воспитания" он "постепенно становился убежденным коммунистом-идеалистом, уверовавшим в теоретическую часть коммунистического учения".

Идеализм "не был созвучным эпохе". Став коммунистом, А. Г. Нерянин, в 1931 году "получил по партийной линии строгий выговор с предупреждением за то, что выступил против социалистического соревнования", а в следующем году был даже временно исключен из партии "за лево-троцкистский уклон".

Однако на военной службе он "всегда имел исключительно отличные аттестации, что... позволило не только держаться на поверхности, но и продвигаться по службе и быть в высших военных учебных заведениях".

Эта служба описана Архивом РОА в предисловии к воспоминаниям. Блестяще окончив в 1939 году академию генерального штаба, А. Г. Нерянин был начальником оперативного управления штаба Уральского военного округа, а затем, с начала войны — начальником штаба 22-й советской армии. С ней — сказано в воспоминаниях — он участвовал в боях, был взят 3 ноября 1941 года в плен, попал в немецкий лагерь для подготовки пропагандистов из числа военнопленных, пробыл в этом лагере, перешел оттуда в берлинский Антиконтинтерн и сравнительно поздно, 11 января 1945 года, стал офицером Русской Освободительной Армии.

Пережив после поражения Германии американский плен и первые выдачи чинов РОА большевикам, он — как сказано в предисловии — "покинул лагерь только тогда, когда не осталось надежды на спасение от выдачи — бежал по узкой канализационной трубе".

Наступившая позже перемена в отношении Соединенных Штатов к СССР позволила беглецу, ставшему А. Г. Алданом, "включиться в активную антикоммунистическую деятельность". Он был избран членом руководящего совета Союза Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР), был сотрудником мюнхенского Института по изучению Советского Союза и установил связь с американцами. Они помогли ему переехать в Вашингтон, где он с 1953 года читал высшему и старшему командному со-

ставу американских вооруженных сил лекции о советской армии.

Душевного спокойствия это ему не дало. "Жизнь и работой в Вашингтоне — написал Архив РОА — полковник А. Г. Алдан очень тяготился". Большевики "прилагали все усилия для его ликвидации или хотя бы для того, чтобы вывести его из игры". Их агенты "не раз доставляли ему на квартиру фотографии жены, дочери и умоляющие письма возвратиться". Советские маршалы прилагали к этим письмам "гарантии" безопасности в случае добровольной репатриации.

"Полк. Алдан — по словам Архива — тяжело переживал это и в последние годы часто болел". Он скончался в Вашингтоне в 1957 году.

Только одна глава не связана с короткой службой автора в РОА и с последствиями этой службы — кроме биографических сведений она содержит описание тех лекций о превосходстве германской расы над славянами, которые в лагере Вульхайде под Берлином читал будущим пропагандистам немецкий инструктор, барон Ропп.

"Откровенно-издевательское глумление над русским народом — написал А. Г. Алдан — подымало во мне русскую гордость и боль за свой народ и я, не стесняясь в выражениях, горячо выступал против учений г. Роппа".

К чести этого немца надо сказать, что он не только понял возмущение военнопленного офицера теорией германского превосходства, но даже (в конце февраля 1942 года) сказал побывавшему в Вульхайде представителю Антиконтинтерна: "Нерянин... губит себя своей неосторожностью и, если у вас есть возможность, то вытаскийте его из лагеря".

Остальные главы воспоминаний посвящены Русской Освободительной Армии и американскому плену. Не все — в первой части — ново, особенно после появления в Германии необыкновенно интересной книги Свена Стеенберга о генерале А. А. Власове, но, как свидетельство очевидца, ценна и эта часть.

Она начинается рассказом о "мечтах и действительности" — контрасте между тем, на что надеялись в конце 1944 года возглавители РОА и тем, что они испытали. Возникший перед ними вопрос: "Что делать?" остался неотвеченным.

"Все это было поздно — сказано в воспоминаниях — слишком поздно... Варианты решений принимались по наитию. Штаб РОА (в начале 1945 г.), кроме случайных и устаревших газет, другой информации об общем положении не имел, если не считать нескольких радио-приемников в гарнизонах".

Многие власовцы полагали, что Англия и Америка после победы над Германией "потребуют от Сталина изменения курса внутренней политики и если это произойдет, тогда не страшно будет вернуться на родину", а генералы, "к сожалению, достаточно реальных шагов для связей с англо-американцами не сделали".

Технически этот упрек справедлив, но практически "реальные шаги" были невозможны — Ялтинское соглашение предрешило судьбу РОА.

Во второй половине апреля 1945 года начался описанный А. Г. Алданом "поход в неизвестность" — уход еще не сформированных окончательно и плохо вооруженных частей РОА из Мюнзингена и Хойберга в направлении на город Рид.

Этот поход, начатый в первых числах мая переговоры с американцами о сдаче в плен, переход на занятую ими австрийскую территорию и вызванные этим переходом легковые надежды описаны в следующей части воспоминаний.

"Благожелательный прием, оказанный американскими официальными лицами, и то, что американцы оставили все оружие, имевшееся в частях, отсутствие какой бы то ни было охраны... и недвусмысленное заявление... американских офицеров о том, что в самое ближайшее

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

La primera de ellas, y la más siniestra, fué la noticia confirmada por numerosos testimonios, de que los millones de soldados rojos que se habían entregado voluntariamente a los alemanes, eran sometidos a un trato brutal e injustificable, desde hacía meses vivían al raso, rodeados de alambre de púas, casi sin alimentos, y cada día perecían a millares por el frío otoñal. No sólo no se hacía nada para mejorar su situación, sino que hasta fué severamente reprimida toda iniciativa de la población local que tratase de ayudar a sus desgraciados compatriotas.

(Continuará)

время все военнослужащие РОА будут демобилизованы и переведены на гражданское положение — все это вселяло радужную надежду и веру в торжество демократических принципов".

"Наша судьба — написали 13-го мая в приказе по воинским частям РОА временно командовавший ими тогда генерал Меандров и, как начальник его штаба, полковник Нерянин — находится в руках правительства Америки и Англии. Мы глубоко уверены, что демократические правительства этих стран дадут нам приют и не передадут нас советскому правительству, так как мы не преступники, а политические борцы, поднявшие знамя борьбы за национальную демократическую Россию", но — как отметил Архив РОА в предисловии — "для западного... мира не существовало справедливости: все, кто поднял руку на сталинский режим, были также его врагами".

Тот лагерь Кладен, где сдавшиеся американцам власовцы были первоначально интернированы, часто посещал лейтенант Кларк, сын известного генерала.

"Я и мои коллеги — сказал он однажды А. Г. Алдану — являемся представителями американских интеллигентных кругов. Мы многое понимаем, чего не понимают так называемые средние американцы... Мы сочувствуем вам и при всем нашем добром желании понять вас мы все же вас не понимаем и не поймем никогда. Мы понимаем, что вы — противники существующего ныне в России политического строя, мы признаем за вами право борьбы за изменение этого строя. Более того, мы, может быть, одобряем вашу борьбу, но мы не понимаем и никогда не поймем, почему вы, русские люди, пошли против своей страны в то время, когда она вела неравную борьбу против внешнего врага?... Вы могли бороться до войны, должны были бороться после войны, но не во время войны".

В воспоминаниях описан случай, о котором до сих пор в истории Власовского движения не было сказано ни слова: "16 или 17 мая (1945 г.) полковник Хендфорж, совершенно ясно и недвусмысленно задал генералу Меандрову в присутствии некоторых старших офицеров РОА вопрос:

— А как бы вы отнеслись к тому, если бы вам предложили вступить в американскую армию для борьбы с Японией?"

Спросивший это американский офицер был несомненно человеком наивным, но доброжелательным.

"Ваше участие на стороне союзников против общего врага, Японии — сказал он — дало бы вам мостик к примирению с советской властью и, возможно, вы смогли бы реабилитировать себя настолько, что вам была бы предоставлена возможность возвращения на родину".

"Формального предложения" — по выражению А. Г. Алдана — не последо-

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

вало, но, как это ни удивительно, генерал Меандров ухватился за соломинку. 19-го мая он написал американцам:

"Исходя из того, что Япония является врагом демократических стран, в том числе и врагом России, мы предлагаем использовать нас для вооруженной борьбы в той форме, как это сочтет нужным американское командование".

Меандров — сказано в воспоминаниях — надеялся даже "на возможность посылки наших частей на фронт против Японии не через Тихий океан, а через Сибирь".

Перевод славившихся на милость победителя власовцев из одного лагеря в другой, постепенное ухудшение их положения, развал соблюдавшейся вначале воинской дисциплины и порядка описаны в воспоминаниях подробно. Приведены фантастические слухи, которыми обнадеживали себя обреченные на выдачу военнопленные.

Нет в том, что А. Г. Алдан написал в 1945-1947 г. г., прямого ответа на вопрос, мог ли "самороспуск" лагерей предотвратить выдачу.

"Внешне — по мнению автора воспоминаний — создалось впоследствии впечатление, что американцы сознательно давали возможность к самороспуску... Из лагеря Ганакера убежало 1396 человек, то есть в среднем по 16 человек ежесуточно... и не было ни одного случая, чтобы убежавших без документов задержали где-нибудь... Все убежавшие как-то устраивались... Итак, надо было дать негласный приказ о самороспуске или нет?... Если бы такой приказ-нарек был дан (генералом Меандровым) и люди, действительно, в одну-две ночи разошлись, то неизвестно как бы на это были принуждены реагировать американские власти под давлением советских представителей. Ясно одно, что американские власти были вынуждены принять соответствующие меры и не известно, коснулись ли бы они или нет всех русских, находившихся тогда на свободе, и не только русских, а вообще всех возвращенцев".

После жестоких и кровавых расправ, сопровождавших выдачу, это сомнение А. Г. Алдана в целесообразности "самороспуска" кажется неоправданным, но Архив РОА поступил правильно, опубликовав воспоминания так, как они были написаны. Он внес этим новый, значительный вклад в историю Освободительного Движения 1944-1945 г. г. и в историю выдачи.

Книга издана тщательно и содержит, кроме текста, портрет автора. Жаль, что в ней нет перечня более ранних изданий Архива — "Библиографии Освободительного движения Народов России", "Материалов и документов ОДНР в годы Второй мировой войны", брошюры В. Осокина "Андрей Андреевич Власов" и 32 номеров распространяемого Архивом бюллетеня. Этот перечень не только облегчил бы работу тех, кто изучает Власовское движение. Он показал бы, как много сделано для этого изучения неумолимым трудом и преданностью этому движению М. В. Шатова.

С. Л. В.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ
Abogado y Ex-Juez de Tribunal
de Yugoslavia
TRADUCTOR PUBLICO
Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков
М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.
LAVALLE 1570, p. 4
T. E. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

4-го мая 1969 года в прицерковном зале (Brasil 315) состоится, посвященный великим русским композиторами П. Чайковскому и С. Рахманинову,

КОНЦЕРТ

оперной певицы ЛИДИИ КАЗАМАРОВОЙ

при благосклонном участии артистов-певцов Н. Калиняк, Е. Самсоновой, А. Мокиенко, В. Трофимова и Ю. Филичева.

Начало в 16.30 час. Билеты при входе. Цена: 200 и 300 песо.

Чистый приход поступит Св. Сергиевской Церковно-Приходской Школе.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)
Специальное лечение корневых зубов.
Бор-машинка Ultrasonico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605

(Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico Lacroze).